

А.А. Куницын

«Ну, хорошо, раз вы этого хотите, но я не вполне с этим согласен».
Миссии английского капитана Х.Р. Попхэма в Россию в 1799–1800 гг.

В статье рассматривается эпизод русско-английских отношений, связанный с пребыванием английского морского офицера капитана 1-го ранга Х.Р. Попхэма в России. Попхэм был послан в Петербург для содействия генералу голландской службы англичанину Ф. Стамфорду, который должен был договориться с русским двором о совместной англо-русской экспедиции, однако из-за болезни генерала он сам возглавил переговоры. Автор исследует сложности подготовки экспедиции, с которыми столкнулся английский капитан, а также личные взаимоотношения Попхэма с русским императором Павлом I.

Ключевые слова: англо-русская экспедиция в Голландию 1799 г., вторая антифранцузская коалиция, император Павел I, Великобритания, англо-русские отношения, русская армия, революционные войны Франции.

Кампания 1799 г. на континенте началась для союзников по второй антифранцузской коалиции весьма успешно. В марте австрийская армия смогла одержать ряд побед над республиканской армией Франции. К тому же в войну вступила Россия, и для содействия Австрии был выдвинут корпус под командованием А.В. Суворова. Столь благополучное развитие событий подтолкнуло Англию к поиску дополнительных путей нанесения урона Парижу.

Во время войны на континенте Батавская республика (Голландия) имела стратегическое значение. Обладание военно-морским флотом, хотя и уступающему числом английскому, делало Батавскую республику важной

союзницей Франции. Именно этот фактор вызвал желание Лондона оккупировать территорию республики. Так, в феврале 1799 г. от британских агентов приходили донесения, что голландский генерал Х.-В. Дандельс готовит к погрузке на корабли армейский корпус числом в 8 тыс. человек с артиллерией. Но место назначения корпуса оставалось неизвестным: «флот будет состоять из двадцати кораблей, помимо транспортных. Мы располагаем различными слухами о месте назначения этого флота. Некоторые говорят о Кейптауне на мысе Доброй Надежды, другие о западной Индии, но, вероятнее всего, что Ирландия является истинным объектом» нападения» [22, р. 465]. Несмотря на то, что проекты по захвату молодой республики стали появляться с момента побега из Голландии штатгальтера Вильгельма V Оранского, вероятно, именно весной 1799 г. Лондон решил ухватиться за благоприятную возможность осуществить план вторжения и, тем самым, ослабить военно-морской потенциал Франции и ее союзников.

Огромное количество проектов предполагали участие в экспедиции как английских, так и прусских, русских и шведских войск. Очередной план принадлежал брату британского министра иностранных дел Уильяма Гренвилла – Томасу, который находился с дипломатической миссией в Берлине. В письме брату от 18 марта 1799 г. он предлагал склонить российского императора Павла I предоставить 50 тыс. солдат и при поддержке Дании вторгнуться в Голландию. «Думаю, что морской десант 20–30 тыс. русских и датчан приведет в смятение правителей великой нации (французов. – *А.К.*), и они лучше откажутся от Батавской республики, чем будут защищать ее под таким натиском, даже если Пруссия останется лишь наблюдателем» [22, р. 502]. Письма с таким же планом он отослал и британским послам в Петербурге и Вене – Ч. Уитворту и М. Эдену. Уже 3 апреля 1799 г. Т. Гренвилл пишет брату, что Уитворт сообщил ему, что «этот план уже был обсужден и жадно принят императором (Павлом I. – *А.К.*)» [Там же, р. 515]. В Лондоне прекрасно понимали, с какими трудностями может столкнуться переброска русских войск в Голландию и ждали подходящего момента, чтобы предложить Петербургу детальный план. Однако одновременно с этим велись переговоры о переброске еще одного корпуса русских войск, содержавшегося за английский счет, в Швейцарию [7, с. 158], что могло затруднить переговоры об экспедиции в Голландию.

В начале мая 1799 г. У. Гренвиллу приходили донесения от его агентов и информаторов в Голландии о том, что в стране растет число недовольных новым правительством, участились случаи дезертирства из армии. «...Особенно в Амстердаме мы (недовольные. – *А.К.*) уже приготовились к тому, чтобы вспыхнуть, как бомба, и устроить серьезный беспорядок в тот

момент, как Англия блокирует порты» [23, р. 53]. С этого момента вторжение в Батавскую республику стало важнейшим военным и политическим проектом для Лондона, и медлить уже не было причин.

3 мая 1799 г. У. Гренвилл отправил письмо Уитворту с приказанием сделать «Его Императорскому Величеству предложение о распространении обязательств, существующих между нашими дворами. Дальность и долгота похода, нужно для прибытия каких-либо дальнейших подкреплений Российских войск на сцену действий, как я вам изъяснил, было главной причиной не делать о том предложение. Сии трудности можно однакож большею мерой отворать, если б найдено было удобовозможным (как о том здесь и не сомневаются) перевести корпус Российских войск морем в таком числе, чтобы мочь успешно действовать для избавления Голландии, почему и поручаем вам теперь Его Вел[ичеству] сделать сие предложение» [17, л. 57]. Уитворт должен был согласиться на те же условия предоставления субсидий, оговоренных в трактате, подписанном в декабре 1798 г., для корпуса числом не менее 20 и не более 45 тыс. солдат.

Для ведения переговоров был выбран генерал Ф. Стамфорд, назначенный по рекомендации русского посла в Лондоне гр. С.Р. Воронцова [23, р. 60]. Он служил в армии прусского короля Фридриха II, а после перешел на голландскую службу, был учителем военного искусства Фредерика Оранского – младшего сына штатгальтера Вильгельма V [21, р. 13]. Весной 1799 г. он находился в Берлине в качестве эмиссара принца Оранского и имел тесные связи по вопросу возможной экспедиции с герцогом Брауншвейгским, который уже неоднократно представлял проекты по захвату Батавской республики (см. например [22, р. 28, 350]). Гренвилл писал Уитворту по поводу Стамфорда, что «разговоры его доставят изобильно как вам, так и тем особам, которых император Российский назначит для переговоров с ним о сей материи все разные подробности, нужные для решения оной, и я усердно надеюсь, что важность материи приобретет ей внимательное уважение и благоприятное внимание в Петербурге» [17, л. 58]. Вероятно, расчет Воронцова был следующим: важно, чтобы эта идея формально исходила не от английского двора и, в случае провала переговоров, отношения между Англией и Россией не пострадали.

Так как в предложенном Стамфордом плане экспедиции было решено в случае успешных переговоров в Берлине задействовать прусские войска, то залогом успеха дипломатической миссии в Россию и всей экспедиции Гренвилл видел сохранение ее в полной секретности, особенно от союзного венского двора. Поэтому он сообщал Уитворту, что «для сего весьма нужно было б не делать о том никакого сообщения австрийским министрам,

поелику беспрестанная их зависть о всем, что может сколько-нибудь служить к приращению прусского влияния на Севере Европы, весьма вероятно побудила бы их, ежели не препятствовать сему намеренно, по крайней мере рас[с]лабить оное таким образом, что Франция могла бы встревожиться и усилиться в той части, ослабить ту силу, которую иначе вывела бы она [из Голландии] против австрийских действий со стороны Швейцарии или Италии» [17, л. 59]. Стамфорд, чтобы скрыть свои истинные намерения, официально отправился в Петербург «для представления Его Императорскому Величеству комплимента сожаления от имени Статгальтера о смерти своего подопечного принца Фридриха Оранжского (Так в тексте, скончался зимой 1799 г. – *А.К.*), и с прошением о предложении к Его Светлости высокого Благоволения» [18, л. 79]. Гренвилл ставил перед Уитвортом задачу «не навести страху Петербургскому двору при воззрении на первые трудности» [Там же, л. 81], а помогать ему в их преодолении, Стамфорду должны были оказывать помощь двое англичан на русской службе, имена которых, к сожалению, в инструкциях не указаны.

В Лондоне также приняли решение отправить в Петербург капитана 1-го ранга Х.Р. Попхэма, имевшего неоднозначную репутацию, но считавшегося одним из образованнейших офицеров британского флота. В 1798 г. он был в числе руководителей диверсионной операции по уничтожению вражеских кораблей и военно-морской инфраструктуры в Остенде, предназначенных для вторжения французов на Британские о-ва. В середине мая 1799 г. Попхэм получил письмо от военного министра Г. Дандаса с приказом незамедлительно отправиться в Гамбург для оценки возможности прохода русских галер через Айдерский канал, соединявший Балтийское и Северное моря через земли Гольштинии, принадлежавшей нейтральной Дании. А оттуда уже отправиться в Петербург, содействовать генералу Стамфорду и организовать транспортировку русского корпуса на театр военных действий [26, р. 66].

Тем временем, переговоры о формировании второго русского корпуса для похода в Швейцарию закончились успешно, и Уитворт стал сомневаться в успехе миссии Стамфорда [23, р. 61]. У. Гренвилл просил Воронцова поддержать проект создания еще одного корпуса [Там же, р. 65], на что русский посол ответил, что «Россия уже без того слишком много принесла жертв на общее дело, к которому наиболее заинтересованные державы относятся далеко не так искренне, как она» [5, с. 428].

1 июня 1799 г. Попхэм прибыл в Кронштадт, где в ожидании Стамфорда провел внешний осмотр русских галер. Он писал заместителю военного секретаря У. Хаскиссону, что на галерах вполне возможно пройти через

канал и «ежели только двор Петербургский согласится на предполагаемую меру касательно соединенного нападения на Голландию, то нет ни малейшего сомнения об успехе оного, лишь бы вооружения были производимы сильно и поспешно» [9, л. 70]. При этом Попхэм в том же письме Хаскиссону отметил, что канал прокопан в Гольштейне, принадлежит нейтральной Дании, и вероятность того, что они пропустят флот, очень невысока. Однако эта проблема, по мнению Попхэма, могла быть решена силовым методом: «ежели вы не очень смотрите на нейтралитет, то я скоро утешусь пройти насильно оной [канал], ежели Датчане вздумают сделать какую Препону» [Там же, л. 71].

Из-за проблем с паспортом Попхэм добрался из Кронштадта в Петербург только 3 июня [24, р. 576]. Вскоре он узнал, что Стамфорд в дороге заболел и поэтому задерживается. Он прибудет в Петербург почти на 3 недели позже Попхэма [23, р. 131]. Английский капитан, понимая, что промедление в переговорах ставит под сомнение успех всей экспедиции, предложил Уитворту добиться для него аудиенции у Павла I, отмечая, что поскольку «служил в армии Герцога Йоркского три года в[о] Фландрии, Брабанте и Голландии, то надеюсь, что могу подать местные сведения почти о всех частях тех провинций, каких потребует от меня Его Величество и его министерства» [13, л. 116]. Уитворт пошел на этот риск, но просил Попхэма «...уведомлять о каждом предпринимаемом шаге на этой важной службе» [16, л. 12], и следовать двум правилам в переговорах с императором: не отказывать в его желаниях и «ни в коем случае не... показать ему, что на него произвела впечатление идея переговоров» (he must on no account «suffer him to be impressed with an idea of bargaining») [24, р. 576].

Через несколько дней Попхэм предстал перед императором. К сожалению, неизвестны детали их разговора, но англичанин, использовав всю свою энергию и красноречие, смог увлечь императора идеей экспедиции. Павел I увидел в Попхэме сторонника и единомышленника, и, зная характер императора, можно сказать, что он был готов горячо откликнуться на предложения Попхэма. Через неделю состоялась еще одна аудиенция, на которой помимо российского императора и Попхэма присутствовал вице-президент Адмиралтейств-коллегии адмирал Г.Г. Кушелев. Фактический руководитель российского флота не разделял оптимизма Павла I относительно совместной экспедиции, и в своих отчетах англичанин писал, что «он (Кушелев. – *А.К.*) целенаправленно мешал, притворяясь, что не понимает других языков, кроме родного» [26, р. 67]. Однако адмирал уже не мог изменить мнение Павла I, впечатленного Попхэмом настолько, что просил его в их общении «отказаться от всех церемоний, и смотреть на него как

на простого человека» [26, р. 67]. Так завязались дружеские отношения между русским императором и английским морским капитаном. Вскоре была подписана и конвенция.

8 июня Попхэм присутствовал при смотре гренадерского батальона Огарёва. О своих впечатлениях он писал Уитворту: «не видывал людей ни мужественнее, ни лучше одетых. В рассуждение того, что сии бедные люди шли около 500 верст скорым шагом, думаю, славное дело сделаем, когда мы дадим каждому из них на кораблях свежего мяса и зелени за обедом по воскресным дням в награду от имени Государя нашего» [14, л. 136]. Однако перед капитаном вскоре встала другая проблема: датчане отказались пропускать русских через канал, а идти через Зундский пролив русские галеры, по мнению, Попхэма не могли. Англичанину удалось добиться от императора предоставления 6 линейных кораблей, 5 фрегатов и 2 транспортных судов взамен английских, что было прописано в отдельной статье трактата [5, с. 437]. Корабли должны были взять на борт сколько возможно солдат, транспортировкой остальных должен был заняться Лондон. Но заминка с кораблями грозила потерей драгоценного времени и немалыми затратами для Англии.

20 июня англичанин прибыл в Ревель, где должен был заняться подготовкой к погрузке корпуса на корабли. Однако, лучше изучив состояние российского флота, он пришел к неутешительным выводам: флот был не готов к выполнению поставленной задачи. «Наше внезапное предложение, – писал Попхэм Хаскиссону уже 21 июня, – поставило все с ног на голову (На русском флоте. – *А.К.*)» [26, р. 70]. Для того чтобы увеличить вместимость кораблей, было принято решение снять с них вооружение, и для этой цели были наняты плотники, работа которых контролировалась лично Попхэмом. Примечательно, что при подготовке кораблей Попхэм обнаружил, что их трюмы забиты разного рода хламом и товарами, продажей которых занимались русские капитаны. Они отказывались разгружать суда и вообще не проявляли заинтересованности в деле. Только личное вмешательство Павла I разрешило это затруднение [24, р. 577].

План Попхэма предполагал, что корпус будет состоять из двух русских дивизий и одной шведской по 10 тыс. солдат в каждой. Первая дивизия должна была погрузиться на русские корабли, а транспорт для второй должны были предоставить англичане. 26 июня Дундас писал Попхэму: «Вам неизвестно, сколь великие трудности встретило бы Правление Его Величества в нынешнее время [для того, чтобы] нанять большое число транспортов, почему изъявляю вам намерения здешнего правления употребить всевозможные старания для преодоления таких трудностей, паче

нежели лишиться выгоды содействия войск Его Императорского Величества. В полной мере должен я при том наисильнейшим образом настоять, чтобы вы не теряли из виду первоначального плана, о употреблении, буде возможно, галер в сие дело» [11, л. 162]. При этом британское правительство торопило Россию с приготовлениями. В своих донесениях У. Гренвилл заявлял, что король Георг III готов безотлагательно приказать начать военную операцию только силами английских войск и подвергнуть их «трудностям и опасностям первой атаки» [цит. по: 20, с. 37].

Содействовать Попхэму в подготовке экспедиции должен был гр. Ф.В. Ростопчин, который возглавлял Военный департамент. Однако англичанин по многим острым вопросам обращался напрямую к императору. Так, например, 28 июня Попхэм писал Ростопчину, что по донесению генерала И.И. Германа, который был назначен командующим русских корпусов, под его началом находится 15 182 человек. Однако, произведя осмотр, Попхэм пришел к мнению, что налицо было 12 682 солдата, а остальные – лишь прислуга. Он просил Ростопчина отправить еще солдат, из тех 3–4 дивизий, которые находились в 100 верстах от Ревеля. Попхэм просил у Ростопчина также предоставить лошадей и помочь договориться со Швецией о предоставлении транспортных судов. При этом в самом конце он добавил, что написал письмо Уитворту с изложением этой просьбы, т.к. обязан отчитываться перед ним, и тот, вероятно, покажет это письмо самому императору [16, л. 11 об.]. К тому же, с войсками Германа прибыли 300 телег, «убого сделанные, скрепленные лишь гвоздями и даже без единой гайки» [24, р. 577], которые генерал планировал погрузить на корабли. Помимо того, что они могли занять много места в трюмах, они были совершенно бесполезны в Голландии. После угрозы обратиться к императору для решения этой проблемы, Попхэм и Герман пришли к компромиссу: солдаты возьмут только палатки и несколько наименее ветхих телег [Там же, р. 578].

Англичанину пришлось заниматься и вопросами обеспечения корпуса продовольствием, т.к. содержание солдат и моряков шло за счет британских субсидий. Попхэму удалось снабдить корабли припасами. Одним из условий Павла I было то, чтобы солдаты для избежания зависти получали полный рацион, а не 2/3 от рациона моряков, как было принято на британских кораблях. Так как рацион русского моряка стоил всего 5 пенсов (в пересчете на английские деньги) в день, Попхэм решил, что это небольшая уступка [Там же, р. 577].

Первая дивизия была готова к погрузке на корабли. 9 июля Попхэм писал Уитворту: «Поздравляю вас с благополучным посадением (так в тексте. – А.К.) на суда огарёвского баталиона. Я приглашал их всех, т.е. штабов

(штаб-офицеров. – *А.К.*) на чарку водки в свою квартиру, когда посадение кончено было, а завтра обедают у меня генералы и пр. и будем пить за здоровье Императора» [15, л. 170]. После этого Попхэм отправился в Петербург, где узнал, что Швеция осталась недовольна предложенными Лондоном субсидиями, отказалась от участия в экспедиции и, соответственно, не сможет предоставить суда для транспортировки русских войск [20, с. 43–44]. Оставалось дожидаться транспортных судов из Англии.

Англичанин испытывал большие трудности в контактах с российскими коллегами. Из-за интриг при дворе он не чувствовал себя в безопасности. Вскоре выяснилось, что русский связной офицер, находившийся в его подчинении, был, по словам английского историка М. Лоуза, шпионом Адмиралтейства, и что крупные военно-морские чины в России были крайне враждебно настроены к планируемой экспедиции [24, р. 578]. Особенно натянутыми были его отношения с Кушелевым, который, по мнению Попхэма, просто саботировал подготовку экспедиции. Англичанин писал в донесении Хаскиссону: «если бы только рвение адмирала Кушелёва не отставало от его глупости. Мы уже должны были отправить корабли на посадку, и все было бы заполнено уже на следующей неделе, но он – неисправимый старый лентяй, и ненавидит англичанин также сильно, как и насколько презирует работу» [26, р. 70]. Не испытывали желаний подчиняться англичанину и другие русские морские офицеры, которые были выше чином Попхэма. Так, например, вернувшийся на службу после опалы контр-адмирал П.В. Чичагов, который «не любил служить под начальством низших себя», получил уверение от императора, что «ни он (Попхэм. – *А.К.*) не будет под вашим, ни вы (Чичагов. – *А.К.*) под его начальством» [19, с. 654]. Однако, несмотря на такое заявление, Чичагов все равно при встрече решил объясниться с англичанином, чтобы предотвратить «всякое столкновение властей» [Там же, с. 662]. В своих записках Чичагов писал: «Познакомься с капитаном Пепгэмом (так в тексте. – *А.К.*), я принужден был сделать ему намек на то, что впредь он уже не может один распоряжаться эскадрой, к этому я присовокупил, что мы действуем в обоюдном согласии, во всяком случае достигнем удовлетворительного результата» [Там же]. Попхэм оказался в тяжелом положении: несмотря на то, что организация экспедиции полностью пала на его плечи и британское правительство требовало ускорить подготовку, он не имел фактических рычагов управления, кроме как через Павла I, благоволением которого, несмотря на непостоянство настроения императора, англичанин продолжал пользоваться.

Во время пребывания в России Попхэм неоднократно имел аудиенции у Павла I, за время которых они довольно быстро сблизились. Помимо того,

что капитан регулярно предоставлял императору свои замечания по поводу улучшения организации экспедиции и русского флота, они часто устраивали совместные речные вояжи по Неве. Свидетель одной такой встречи писал в письме от 2 августа 1799 г.: «Император попросил, чтобы люгер Нил (малое судно, использовавшееся в Англии для доставки срочных донесений. – *А.К.*), на котором Попхэм прибыл в Петербург, подошел как можно ближе к его дворцу в Петергофе, и он взшел на борт в сопровождении одного вельможи. Люгер незамедлительно встал под паруса, и, благодаря благоприятному бризу, Его Величество был весьма удивлен и удовлетворен стремительностью своего плавания. После двухчасового плавания он вновь прибыл ко дворцу, и люгер произвел королевский залп» [28, р. 262].

На следующий день император взшел на корабль в сопровождении всей своей семьи: императрицы, четырех великих княгинь и трех великих князей. «Они были в восторге, и с большой снисходительностью вкушали корабельную говядину и галеты. Император был особенно внимателен к каждой вещи на борту люгера, посещая каждую часть ее, и когда моряки начали поднимать паруса, он настоял на том, чтобы помочь хоть раз установить паруса судна, принадлежащего его милостивому союзнику, и действительно тянул канаты с моряками. А императрица умоляла команду спеть “Боже, храни короля”, что было немедленно исполнено к полному удовлетворению Ее Величества» [Там же]. Император подарил Попхэму элегантную золотую табакерку, усыпанными бриллиантами, а императрица дорогое кольцо. Получил императорский подарок и помощник Попхэма лейтенант Пратт.

Одновременно с этим английский капитан был награжден орденом Св. Иоанна Иерусалимского, хотя Уитворт рекомендовал Попхэму в таком случае отказаться от ордена, потому что в Англии иностранный рыцарский орден требовал специального подтверждения от короля на право его ношения и привилегий. Попхэм писал жене по поводу награждения: «Император вынул свой меч, и граф Ростопчин потребовал преклонить колено, что я, конечно же, сделал. Императорский меч коснулся моих плеч, кажется, несколько раз, тогда граф Ростопчин поднес Орден, который Император возложил мне на шею, и, когда я вставал, дал мне свое благословение» [26, р. 69, 70]. Англичанин прекрасно понимал, какое значение для русского императора имеет Мальтийский орден. Позже он даже напишет в Лондон, что следует подарить Павлу I трофеи, захваченные англичанами на французском корабле, вывозившем их с Мальты [24, р. 579]. Право Попхэма на ношение ордена было все же подтверждено королем Георгом III 28 сентября 1799 г. [28, р. 447].

Несмотря на трудности подготовки, Попхэм по-прежнему пользовался полным доверием Павла I. Капитан писал Дандасу: «император в своем теперешнем настроении сделает для меня все. Если Вам нужно еще 10 000 человек, я, осмелюсь сказать, могу попросить его, и он предоставит их. Он не любит Штатгальтера, он ненавидит короля Пруссии, и проклинает герцога Брауншвейгского» [24, р. 578]. Но насколько это могло быть правдой? Попхэм был весьма честолюбивым человеком, и успех миссии в России поднял его репутацию в Лондоне. Так, Т. Греввилл писал брату: «Считаю, что он (Попхэм. – *А.К.*) совершил огромное дело и заслуживает огромной похвалы» [26, р. 68]. Вероятно, эта удача вскружила голову капитану, и в своих сообщениях он старался преувеличить свои заслуги. В письме Хаскиссону он писал, что русский император предлагал назначить его командующим всей экспедицией, но он отказался, сославшись на то, что «старшие офицеры и прочие адмиралы с ненавистью не допустят моего командования» [Там же]. В ответ на это предложение Попхэм хотел просить у императора зачисления (временно) на русскую службу в чине адмирала и предоставления права командования русским кораблем во время экспедиции [Там же]. Вероятно, он понимал, что мог бы добиться большего на русской службе, зная, что является фаворитом императора, или таким образом хотел получить назначение из Лондона, которое бы не могли оспорить вышестоящие офицеры. Точно неизвестно, действительно ли Попхэм просил перевода на русскую службу или нет, но в письме герцогу Фредерику Йоркскому, написанном уже после неудачи экспедиции в Голландию, он сообщал, что сожалеет о том, что «когда император предлагал чин адмирала, я не попросил чин генерала...» [24, р. 579]. Весьма противоречивые письма Попхэма, однако, не умаляют его влияния на императора и его дружбу с ним. Благоклонное отношение к нему Павла I подтверждается свидетельством баварского посланника в Петербурге гр. Ф. де Брз, который писал, что император был противником экспедиции, но говорил Попхэму: «Ну, хорошо, раз вы этого хотите, но я не вполне с этим согласен» [1, с. 352].

Выдержку из любопытного документа, который мог бы пролить больше света на взаимоотношения Попхэма и Павла I, приводит биограф капитана его дальний потомок Х. Попхэм. В библиотеке рукописей им. У. Клементса Мичиганского университета (США) хранится письмо Попхэма к неизвестному, написанное им в 1814 г. в ответ на поздравления с получением чина адмирала. «Ваша Светлость должен быть осведомлен о той близости, которой меня удостоил нынешний Император России (Александр I. – *А.К.*), когда я выполнял миссию в этой стране, и о том, что его императорское

величество плавал со мной по Неве. Почетный знак отличия, который я ношу, исходит от него, и у меня есть небольшая пенсия, прилагаемая к нему, за спасение жизни Его Отца» [26, р. 76]. Ни о какой награде для Попхэма от Александра I нам неизвестно, также нет никаких свидетельств о том, как именно Попхэм спас жизнь Павлу I. Так что же это значит? К 1814 г. его карьера уже давно не была такой блестящей. Виной тому была подмоченная репутация, вызванная рядом решений суда и военно-морского трибунала, в которых, при явной вине Попхэма, выносились решения в его пользу лишь благодаря близкому знакомству с премьер-министром У. Питтом Младшим. К тому же ему не благоволил новый герой Великобритании – А. Уэллсли, герцог Веллингтон. Вероятнее всего, таким образом Попхэм лишь хотел напомнить общественности о своих былых заслугах перед страной и о своих связях в России, которая после победы над Наполеоном в 1812 г. приобрела право на глубокое уважение и признательность всей Англии.

1 августа 1799 г. Попхэм вернулся в Ревель, где его ожидала еще одна неожиданная неприятность: три корабля с войсками вернулись в порт, поврежденные непогодой. Капитану удалось быстро организовать починку, и два из них вскоре вновь отправились в море. Третий быстро починить не удалось, и было принято решение, что солдат с него перевезут английские корабли, которые стали прибывать в Ревель [24, р. 578]. Несмотря на долгие приготовления и трудности, 17 августа Попхэм, наконец-то, сообщил адмиралу П.И. Ханькову, что погрузка на корабли завершена [12, л. 38].

После этого английский капитан отправился в Петербург, где вновь встретился с императором. У Павла I внезапно появилась озабоченность, что датчане могут атаковать транспортные суда в Зундском проливе. Попхэм предложил, если это произойдет, русским отрядам высадиться на берег и штурмом взять Копенгаген. Этот ответ удовлетворил монарха, и он лишь пожелал, чтобы капитан сопроводил корабли на своем судне и лично привел этот план в действие, если потребуется [24, р. 578].

Попхэм сопровождал русский корпус и в Голландии, регулярно отправляя отчеты на имя императора. Неудачу экспедиции он видел в действиях генерала И.Н. Эссена, который после пленения генерала Германа возглавил русские войска. Назначение командующим было для Эссена неожиданностью, он не имел никаких инструкций на этот случай и «на каких правилах, утвердительно положась, вести переговоры с Его Высочеством (герцогом Йоркским. – *А.К.*)» [3, л. 54]. Он был далек от дипломатических тонкостей, что часто вызывало непонимание со стороны англичан. Эссен считал, что

подчиняется исключительно главнокомандующему – герцогу Йоркскому, из-за чего шел на конфликты с английскими генералами, вызывая у них сильную неприязнь, а у Воронцова, который в письмах к Ростопчину называл его «безмозглым Эссеном», лишь неприкрытое раздражение.

После заключения конвенции в Алкмааре, положившей конец русско-английской экспедиции в Голландию, Попхэм писал Павлу I о необходимости сохранения русских войск на театре военных действий и использовании их в диверсиях на территории противника [2, л. 16]. Английскому командованию он предлагал переправить русский корпус в Средиземное море для поддержки русских армий в Италии и Швейцарии [26, р. 75]. Однако эта идея не получила поддержки, и корпус был отправлен в Англию на зимние квартиры [4].

По завершении кампании Попхэм вернулся домой на о. Уайт, недалеко от Портсмута. Находясь в стесненном материальном положении, он ходатайствовал у Хаскиссона о назначении пособия, и вскоре за успешную службу в России и Голландии ему была назначена ежегодная пенсия в 500 фунтов стерлингов.

В начале зимы 1799 г. Лондон решил начать переговоры с Петербургом по поводу использования русского корпуса в других операциях. Отправиться в Россию в этот раз вызвался Попхэм уже сам. В начале декабря он получил письмо от Уитворта с предостережением: «боюсь, ставки возросли, и это будет очень трудной задачей – убедить императора поручить нам свои войска» [26, р. 78]. Но Попхэм был уверен в себе и даже запрашивал инструкции на случай, если Павел I предложит ему службу в России.

Тяжелые погодные условия позволили капитану отправиться в путь только в конце декабря. Невероятно суровые морозы сковали льдом воды Балтийского моря, и Попхэм был вынужден отправиться в Стокгольм, откуда сухопутным путем добрался до России.

Тем временем во внешней политике России действительно происходили коренные перемены. Павел I был недоволен своими союзниками по антифранцузской коалиции. 12 февраля в Лондон было отправлено письмо с требованием отозвать Уитворта, о котором сам посол даже не был уведомлен [27, р. 100]. В феврале 1800 г. начался затяжной кризис русско-английских отношений. В Лондоне, вероятно, стали понимать, что миссия Попхэма приобретает абсолютно иное значение: вместо договора об использовании русских войск он должен был восстановить русско-английские отношения и предотвратить выход Петербурга из войны против Франции. Для этого было принято решение вернуть Мальту под протекторат русского императора после ее освобождения от французских войск. К подготовке к такому

предложению был подключен и английский адмирал Г. Нельсон. Несмотря на то, что он не скрывал своих антирусских чувств, он писал Павлу I, что «с благодарностью в сердце хочет положить у Ваших ног саблю французского адмирала Пирреса, который был захвачен на *Genereux* («Женеро». – *А.К.*), 74-х пушечном корабле» [10, л. 1], который вез снаряжение для французского гарнизона на Мальте.

В Лондоне ждали новостей от Попхэма, но коммуникация была затруднена. 12 марта 1800 г. известный ученый Э.Д. Кларк, который в ту зиму находился в Петербурге, сообщал своему другу Р. Мальтусу, что лишь недавно получил его письмо, датированное 25 ноября. Также он сообщал, что «капитан Попхэм, посланник, болен и находится в Умео (вероятно, он имел в виду Улеборг, современный г. Оулу в Финляндии. – *А.К.*), в Остроботнии. Он был вынужден сделать круг к Торнио (город на севере Финляндии. – *А.К.*) из-за льда между Грисслехамном и Або. Я подвергаю свою жизнь большому риску этим сообщением» [цит. по: 25, р. 272]. Кларк отмечал нарастание чувства страха, вызванные политикой Павла I, называя его безумцем, дураком, негодяем и тираном, и разгулом полицейских. Рассказывая о произволе полиции, он сообщает Мальтусу, что прямо на улице Петербурга по приказу императора был арестован некий джентльмен лишь потому, что «перо его шляпы не было на одном уровне с его носом» [25, р. 272]. Также, по замечанию ученого, «недостаточно поступать по закону, необходимо соответствовать капризам полицейского. Если ты нахмуришься на улице, тебя могут схватить» [Там же, р. 273].

Попхэм прибыл в Кронштадт лишь 25 марта 1800 г. Он отправил письмо вице-канцлеру гр. Н.П. Панину, в котором сообщал, что прибыл по приказу короля Англии к императору с ответственным заданием и важным конфиденциальным сообщением. Ссылаясь на плохое здоровье, он просил Панина о скорейшей аудиенции у Павла I: «надеюсь, что Его Величество соизволит мне исполнять приказы короля и даст мне аудиенцию, чтобы я мог быстро вернуться в Англию» [6, с. 39–40].

В этот раз ему было отказано в аудиенции. Отношения с Англией стремительно ухудшались. В апреле было прервано курьерское сообщение между странами. Попхэм по-прежнему оставался в Кронштадте и ждал встречи с императором. В апреле Панин писал Воронцову: «к сожалению, это правда, что в нынешнем положении у императора нет ничего общего с мистром Попхэмом; я также предполагаю, что его пребывание здесь не будет длительным» [Там же, с. 76]. Однако он ошибался. Англичанин, которому не дали паспорт для въезда в Петербург, ожидал аудиенции в Кронштадте до середины мая, когда стало окончательно ясно, что произошел полный

разрыв между Лондоном и Петербургом. Он попросил разрешения покинуть страну на первом британском торговом судне [6, с. 40–41]. В ответ получил устное сообщение от Панина: «если он, сэр Хоум Попхэм, желает покинуть страну, Его Императорское Величество не думает задерживать его и, помимо прочего, желает ему хорошего путешествия» [26, р. 82].

Спустя несколько лет вице-адмирал Ч. Стерлинг, под началом которого в тот момент служил Попхэм, в своем письме секретарю Адмиралтейства У. Марсдену отметил, что Попхэм «имел столь огромное влияние на Павла I, что тот позже отказался от встречи с ним, опасаясь, что он может изменить его мнение» по поводу отношений с Англией [Там же, р. 163].

Предложение Лондона о совместной экспедиции стало для Петербурга полной неожиданностью. Российский флот оказался не готов к выполнению поставленной перед ним задачи. Потерпела неудачу и русско-английская дипломатия, которая не смогла обеспечить участие в экспедиции в Голландию других держав. Все это вылилось в затянувшуюся подготовку и постоянные изменения планов, но, благодаря усердию капитана Попхэма и энтузиазму Павла I, Россия смогла принять участие в экспедиции.

Взаимоотношения капитана Попхэма с русским императором являются прекрасной иллюстрацией развития англо-русских отношений во время второй антифранцузской коалиции и правления Павла I в целом. С юности увлеченный военно-морским флотом, и особенно восхищенный английскими моряками [8, с. 45], Павел I увидел в простом английском капитане единомышленника, ради которого был готов пойти на военную авантюру, вопреки мнению своих приближенных. Император, ведомый рыцарскими чувствами, в своей внешней политике слишком часто ориентировался на личные отношения, забывая, что в европейских державах политика строится, в первую очередь, на соблюдении интересов своей страны. Капитан Попхэм стал олицетворением Англии для Павла I, персонифицированным воплощением ее намерений и отношения Лондона к нему в целом. Однако подобная внешнеполитическая практика была непонятна ни в Лондоне, ни при остальных европейских дворах. Павел I не смог добиться ответной реакции, что вызвало его гнев и ощущение предательства со стороны союзников, спровоцировав резкую перемену внешнеполитического курса России.

Библиографический список

1. Де Брэ Ф.Г. [Записка баварца о России времен императора Павла]. (Пер. по рукописи с франц.). Сообщ. Е. Шумигорский // Русская старина. 1899. Т. 99. № 8. С. 345–362.

2. Донесение Капитана Попхэма императору Павлу I от 25 октября // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 35 (Сношения России с Англией). Оп. 6. Д. 661. Л. 17–18.
3. Копия письма генерал-майора Эссена к графу С.Р. Воронцову из Бергенброка от 11/22 сентября 1799, в Главной Квартире // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 35. Оп. 6. Д. 517. Л. 51–55.
4. Куницын А.А. Из истории англо-русской экспедиции в Голландию в 1799 г. Русские войска на британских островах Джерси и Гернси (1799–1800 гг.) // ЛОКУС: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 4. С. 74–84.
5. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. X (XI). Трактаты с Англиею. СПб., 1892.
6. Материалы для жизнеописания графа Н.П. Панина. Т. 5. СПб., 1891.
7. Милютин Д.А. История войны России с Францией в царствование Императора Павла I в 1799 году. Т. 2. СПб., 1852.
8. Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки. М., 2008.
9. Перевод Экстракта с письма флотского Капитана Попама к г[осподину] Госкиссону // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 70–76.
10. Письмо адмирала Нельсона Павлу I от 26 февраля 1800 г. (на англ. яз.) // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 35. Оп. 6. Д. 121. Л. 1–2.
11. Письмо британского военного министра Г. Дундаса капитану Попхэму от 27 июля 1799 г. // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 161–163.
12. Письмо Капитана Попхама адмиралу П.И. Ханыкову. Ревель, 17 августа 1799 г. // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 35. Оп. 6. Д. 660. Л. 38.
13. Письмо капитана Попхэма послу Ч. Уитворту от 4 июня 1799 г. // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 116–117.
14. Письмо капитана Попхэма послу Ч. Уитворту от 8 июня 1799 г. [перевод] // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 136–137.
15. Письмо капитана Попхэма послу Ч. Уитворту от 9 июля 1799 г. [перевод] // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 170.
16. Письмо капитана Попхама Ф.В. Ростопчину. Ревель 28 июня / 9 июля 1799 г. // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 35. Оп. 6. Д. 660. Л. 11–12.
17. Письмо министра иностранных дел Великобритании лорда У. Гренвилла от 3 мая 1799 г. [перевод] // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 56–61.
18. Письмо министра иностранных дел Великобритании лорда У. Гренвилла от 10 мая 1799 г. [перевод] // Архив внешней политики Российской Империи. Ф. 35. Оп. 6. Д. 664. Л. 78–82.
19. Чичагов П.В. Записки. М., 2002.
20. Шимонова Н.В. К вопросу о подготовке голландской экспедиции 1799 г. союзных войск Великобритания и России // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2011. № 3. С. 36–47.
21. Ball F. A Waste of Blood and Treasure: The 1799 Anglo-Russian Invasion of the Netherlands. South Yorkshire, 2017.

22. Fortescue J.B. The manuscripts of J.B. Fortescue preserved at Dropmore. Vol. 4. L., 1905.
23. Fortescue J.B. The manuscripts of J.B. Fortescue preserved at Dropmore. Vol. 5. L., 1906.
24. Laws M.E.S. Mission to Russia, 1799. *Royal United Services Institution*. 1956. № 11 (Nov.). Pp. 576–579.
25. Otter W. The life and remainings of Edward Daniel Clarke, Professor of Mineralogy in the University of Cambridge. L., 1827.
26. Popham H. A Damned Cunning Fellow: The Eventful Life of Rear-Admiral Sir Home Popham, KCB, KCH, KM, FRS, 1762–1820. Cornwall, 1991.
27. Ragsdale H. Russia, Prussia, and Europe in the Policy of Paul I. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge*. 1983. Bd. 31. H. 1. Pp. 81–118.
28. The naval Chronicle. Vol. 2. July-December 1799. L., 1799.

Кунитсын Александр Александрович – аспирант кафедры новой и новейшей истории Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

E-mail: alexandermartes@mail.ru

A. Kunitsyn

“Well, fine, if you want it,
but I don't agree with that at all”.
The missions of Captain H.R. Popham
to Russia in 1799–1800

The article describes an episode of Russian-English relations connected with the stay of the English post captain H.R. Popham in Russia. Popham was sent to St. Petersburg to assist the Dutch General Stamford, who was to agree with the Russian court on a joint Anglo-Russian expedition, but because of the General's illness, he led the negotiations by himself. The author examines the difficulties of the expedition preparation, which the English captain faced as well as the personal relationship of Popham with the Russian Emperor Paul I.

Key words: Anglo-Russian expedition to Holland in 1799, the second anti-French coalition, Russian Emperor Paul I, Great Britain, Anglo-Russian relationships, Russian army, French Revolutionary Wars.

Kunitsyn Alexander A. – postgraduate student at the Department of Modern and Contemporary History of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University